

Научная статья
УДК 94.41.99
<https://doi.org/10.20310/1810-0201-2024-29-6-1830-1840>

Военно-техническое сотрудничество между Россией и Республикой Корея в 1994–2005 гг.

Алексей Владимирович Малолетко

Московский государственный институт (университет) международных отношений МИД России
119454, Российская Федерация, г. Москва, просп. Вернадского, 76
al2628319@gmail.com

Актуальность. Цель исследования – рассмотреть значимые аспекты военно-технического сотрудничества между Россией и Республикой Корея, осуществлявшегося в рамках проекта «Бурый медведь» в 1994–2005 гг. Интерес представляет анализ специфики кооперации в указанном сегменте между странами, до начала 1990-х гг. являвшимися идеологическими противниками.

Материалы и методы. Привлечены исследования российских и южнокорейских ученых, в которых рассматривались факторы, воздействовавшие на динамику военно-технических связей между Москвой и Сеулом. Наряду с общенаучными методами, такими как системный исторический анализ, использовались историко-ретроспективный, аксиологический методы и SWOT-анализ (анализ сильных и слабых сторон, возможностей и угроз).

Результаты исследования. Выяснено, что расчеты Москвы на продвижение российских вооружений в Южную Корею, а также заинтересованность Сеула в получении российской современной военной технологии формировали позитивные ожидания. Вместе с тем выделен комплекс факторов, не позволивших создать существенные заделы на будущее по итогам двух этапов проекта «Бурый медведь».

Выводы. Военно-техническое сотрудничество с Сеулом стало для Москвы важным опытом такой деятельности на азиатском направлении, уникальность которой была обусловлена, в том числе, южнокорейским статусом стратегического союзника США.

Ключевые слова: Россия, Республика Корея, военно-техническое сотрудничество, проект Бурый медведь, военные технологии, Корейский полуостров, вооружения

Благодарности и финансирование. О финансировании исследования не сообщалось.

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Малолетко А.В. Военно-техническое сотрудничество между Россией и Республикой Корея в 1994–2005 гг. // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2024. Т. 29. № 6. С. 1830-1840. <https://doi.org/10.20310/1810-0201-2024-29-6-1830-1840>

Original article

<https://doi.org/10.20310/1810-0201-2024-29-6-1830-1840>

Military and technical cooperation between Russia and Republic of Korea in 1994–2005

Alexey V. Maloletko

Moscow State Institute of International Relations (University)
of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation
76, Vernadskogo Ave., Moscow, 119454, Russian Federation
al2628319@gmail.com

Importance. The purpose of the study is to consider significant aspects of military and technical cooperation between Russia and the Republic of Korea, carried out within the framework of the Brown Bear project in 1994–2005. It is of interest to analyse the specifics of cooperation in this segment between the countries that were ideological opponents until the early 1990s.

Materials and Methods. The research of Russian and South Korean scientists that examines the factors influencing the dynamics of military and technical ties between Moscow and Seoul is involved. Along with general scientific methods such as systematic historical analysis, historical retrospective method, axiological method, and SWOT-analysis are used (strengths, weaknesses, opportunities, threats).

Results and Discussion. This research reveals that Moscow's calculations for the promotion of Russian weapons to South Korea, as well as Seoul's interest in obtaining modern Russian military technologies, formed positive expectations. At the same time, a set of factors has been identified that did not allow creating significant groundwork for the future following the results of the two stages of the "Brown Bear" project.

Conclusion. Military and technical cooperation with Seoul became for Moscow an important experience of such activities in the Asian direction, the uniqueness of which was conditioned, among other things, by South Korea's status as a strategic ally of the United States.

Keywords: Russia, Republic of Korea, military and technical cooperation, Brown Bear project, military technologies, Korean Peninsula, armaments

Acknowledgements and Funding. No funding was reported for this research.

Conflict of Interests. The author declares no conflict of interests.

For citation: Maloletko, A.V. (2024). Military and technical cooperation between Russia and Republic of Korea in 1994–2005. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki = Tambov University Review. Series: Humanities*, vol. 29, no. 6, pp. 1830-1840. <https://doi.org/10.20310/1810-0201-2024-29-6-1830-1840>

АКТУАЛЬНОСТЬ

Нами рассмотрено российско-южнокорейское военно-техническое сотрудничество (ВТС) с момента его начала в 1994 г. до 2005 г., когда завершился второй и последний на сегодняшний день этап проекта «Бурый медведь». Целью исследования является анализ обстоятельств, обусловивших практические шаги руководства России (РФ) и Республики

Корея (РК) по налаживанию и развитию ВТС, уточнение подходов Москвы и Сеула к осуществлению проекта «Бурый медведь», а также выявление факторов, влиявших на содержание двусторонней кооперации в данном сегменте в указанный период.

ВТС между двумя странами, появившееся, прежде всего, в качестве способа возврата Москвой Сеулу советского госдолга, имело потенциал для расширения, который, однако,

по различным причинам остался нереализованным.

В то же время в работе учитывалась последовательно возрастающая значимость азиатско-тихоокеанского вектора внешней политики России в современных условиях, ее заинтересованность в «стабильности политико-экономической среды и правил международного поведения» [1, с. 19] в этом регионе, формировании вокруг своих границ пояса дружественных государств, и, соответственно, поддержании добрососедских отношений с РК.

Актуальным представлялось выявление обстоятельств, воздействовавших на динамику и наполнение ВТС между Москвой и Сеулом в 1994–2005 гг., принимая во внимание возможную полезность учета имевшейся специфики при определении в последующем оптимальных направлений выстраивания диалога с РК, в том числе в военной области, в условиях формирования многополярности.

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ

Исследование опиралось на работы российских корееведов и южнокорейских специалистов по России, которые рассматривали условия и обстоятельства, сопровождавшие процесс формирования и развития военно-технического сотрудничества между РФ и РК, проводили анализ подходов оборонных ведомств двух стран по экспорту в Южную Корею российской военной техники и передовых технологий в существовавших в изучаемый период геополитических условиях.

Научную основу исследования составляют общенаучные методы системного исторического анализа и обобщения различных данных, касающихся содержательного наполнения процесса развития военно-политических отношений между Россией и Республикой Корея. Использовались также историко-ретроспективный метод для анализа эволюции двусторонних отношений в военной области и аксиологический метод, позволивший рассмотреть подходы российского и южнокорейского руководства к развитию сотрудничества по военно-технической ли-

нии с точки зрения удовлетворения национальных потребностей. Для оценки положения дел в изучаемом сегменте двустороннего взаимодействия и выявления внутренних и внешних факторов, действовавших на отношения между Москвой и Сеулом в области ВТС, применялся SWOT-анализ.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

В сентябре 1990 г. между СССР и РК были установлены дипломатические отношения. В 1992 г. Москва и Сеул заключили Договор об основах отношений, с подписания которого начался отсчет истории юридически оформленных связей [2, с. 104] и появилась официальная возможность закладывать нормативно-правовую базу ВТС.

Следует отметить, что изначально существовали объективные предпосылки для налаживания военно-технических связей. Наличие у России перспективных военно-промышленных наработок и южнокорейские планы модернизации национальных вооруженных сил в условиях противостояния с КНДР обуславливали потенциальную взаимную заинтересованность двух стран в кооперации.

Вместе с тем ВТС между двумя странами возникло не вследствие просматривавшейся потенциальной взаимной выгоды в сфере экономики или национальной безопасности. Во многом оно было начато искусственно, в связи с необходимостью погашения Россией, как правопреемницей СССР, советского государственного долга перед РК.

19–20 апреля 1991 г. в ходе визита М.С. Горбачева на о. Чечжудо¹ и обсуждения с Но Тхэу условий нормализации двусторонних отношений было согласовано предоставление РК Советскому Союзу кредитов на общую сумму 3 млрд долл. США. В 1991 г. в Россию поступил первый, ставший единственным транш в размере 1 млрд 470 млн долл. США.

¹ Окунев Д. 30 лет назад Горбачев нанес исторический визит в Южную Корею // Газета.ру. 2021. 20 апр. URL: https://www.gazeta.ru/science/2021/04/19_a_13565180.shtml (дата обращения: 27.04.2024).

Впервые варианты выплаты РФ части госдолга Южной Кореи поставками вооружений и военной техники (ВВТ) были озвучены зампреда правительства РФ А.Н. Шохиним в ходе визита в РК 24–26 августа 1993 г. Сеулу предложили выбрать образцы из наличия в арсеналах российской армии².

Южная Корея сначала отнеслась к такому предложению скептически, имея налаженное ВТС со своим главным союзником – США. С учетом этого закупка ВВТ у России, на первый взгляд, не имела под собой реальных перспектив, поскольку на поверхности лежала отрицательная реакция на такой шаг РК со стороны Вашингтона. Вдобавок к этому возникал серьезный вопрос о совместимости советских вооружений с системами управления ВС РК [3, с. 164].

Тем не менее, принимая во внимание перспективы развития двусторонних отношений с РФ в целом, а также указывая, что США, Япония и другие страны в то время уже согласовали с РФ план реструктуризации и погашения долговых обязательств, Сеул активизировал изучение российского предложения о поставках продукции военного назначения (ПВН).

При выборе номенклатуры российских вооружений Сеул исходил из трех основных условий: 1) военная техника должна быть из числа той, которую КНДР использует в настоящее время либо собирается принять на вооружение в будущем; 2) это должны быть новые разработки; 3) не должно быть сложностей с эксплуатацией и обслуживанием [4, с. 153].

В июле 1995 г. было подписано соглашение о частичном погашении советского долга, согласно которому засчитываемая за РФ сумма составила 457 млн долл. США в форме поставок военной техники и сырья, включая цветные металлы, при этом на долю вооружений из этой суммы приходилось

² Калашикова Н. Визит Александра Шохина в Южную Корею // Коммерсантъ. 1993. 26 авг. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/57654> (дата обращения: 07.02.2024)

213,6 млн долл. США³. Данный проект получил название «Бурый медведь» (кор. «Пулго-гом»).

Первый этап проекта «Бурый медведь» предусматривал передачу Южной Кореи 33 основных боевых танков (ОБТ) Т-80У, два командирских Т-80УК, 33 БМП-3 и 33 БТР-80А. Вместе с бронетехникой в заказ вошло 70 противотанковых ракетных комплексов 9К115 «Метис-М» с более тысячей боеприпасов к ним и несколько десятков переносных зенитных комплексов «Игла». Сделка носила пакетный характер, включала в себя сопутствующие дополнения в виде оборудования для тестирования, ремонтных средств и т. д. [4, с. 157].

Наряду с этим в 1995 г. на металлолом были проданы снятые с вооружения ТОФ тяжелые авианесущие крейсера «Минск» (за него было получено 4,58 млрд долл. США) и «Новороссийск» (за 4,3 млрд долл. США)⁴, 32 военных корабля других классов и несколько сотен танков Т-54 и Т-55. Так, на приобретение двухсот Т-54 Дальневосточного военного округа Сеул израсходовал 600 тыс. долл. США [5, с. 206].

Масштабы сделки оказались незначительными: ее общий объем, по состоянию на 1999 г., составил около 209 млн долл. США [3, с. 160]. В то же время в южнокорейской печати велись дискуссии о необходимости диверсификации импорта военного имущества. Продвигался тезис о том, что закупка Сеулом российского военного оборудования, боевых самолетов, судов – выгодный бизнес для обеих сторон [6, с. 53]. Интересам РФ при этом отвечала принятая Сеулом во вто-

³ Seo Jongyeol. Don daeshin padyn moogi, ‘Pulgom saeor’ul ashinayo? [Со Чжонёль. Оружие вместо денег. Знаете о проекте «Бурый медведь»?] // Global Economic. 2022. 13 March. URL: https://www.g-enews.com/article/Industry/2022/03/20220313164249733514fb262fcb_1 (дата обращения: 07.02.2024).

⁴ Преступление века. Как были проданы «Минск» и «Новороссийск» // Информационный электронный ресурс «Корабли проекта 1134А». 2011. 16 июля. URL: https://kresta-ii.ucoz.ru/news/quot_prestuplenie_veka_quot_kak_byli_prodayno_quot_minsk_quot_i_quot_novorossijsk_quot/2011-07-16-2683 (дата обращения: 13.03.2024).

рой половине 1990-х гг. к реализации «стратегия преследования» («strategy of pursuit»), согласно которой южнокорейский ОПК должен был внедрять зарубежные технологические разработки с целью снижения затрат на разработку собственных ноу-хау⁵. Россия также исходила из того, что ВТС с РК не нарушает военный баланс на Корейском полуострове, не наносит ущерба ни одной из корейских сторон, общей стабильности и безопасности Северо-Восточной Азии [7, с. 511].

Проект «Бурый медведь-2» был предложен в ноябре 2000 г. правительством РК. Его изначальная цель была компенсировать издержки от аннулированной по инициативе южнокорейской стороны сделки с закупкой в РФ трех подводных лодок класса «Варшавянка» на сумму 1 млрд долл. США, которая готовилась в 1999–2000 гг.

Отказ от упомянутой сделки мог повлечь за собой «перспективы масштабного отката в уровне дипломатических отношений» [5, с. 222]. В связи с этим Советом нацбезопасности РК было решено инициировать полноформатный проект «Бурый медведь-2» для улучшения военно-политической атмосферы на двустороннем треке. Вопросы получения через ВТС части российского госдолга были для Сеула второстепенными, но были подняты автоматически в ходе согласования параметров проекта. Таким образом, «Бурый медведь-2» стал, прежде всего, средством для выравнивания двусторонних отношений, а не способом возврата займа, выданного в 1991 г. России [4, с. 162].

В ходе визита Президента РФ В.В. Путина в РК в феврале 2001 г. был подписан меморандум о намерениях, предусматривавший поставки Сеулу партии российских ВВТ на сумму в 700 млн долл. США⁶. В 2002 г.

⁵ Seo Jongyeol. Don daeshin padyn moogi, ‘Pulgom saeor’ul ashinaayo? [Со Чжонёль. Оружие вместо денег. Знаете о проекте «Бурый медведь»?] // Global Economic. 2022. 13 March. URL: https://www.g-enews.com/article/Industry/2022/03/20220313164249733514fb262fcb_1 (дата обращения: 07.02.2024).

⁶ В ходе официального визита Президента России в Республику Корея был подписан ряд документов // Президент России. 2001. 28 февр. URL:

было заключено соглашение, предусматривавшее в рамках проекта «Бурый медведь-2» экспорт в РК в течение последующих трех лет военной техники, в том числе порядка 156 ПТУР «Метис-М», 37 БМП-3, 3 десантных катеров на воздушной подушке (ДКВП) «Мурена», 7 поисково-спасательных вертолетов КА-32 для нужд ВВС, 23 учебно-тренировочных самолетов Ил-103. Договоренности были оформлены в сделку на сумму в 534 млн долл. США, из которых поставки в счет погашения госдолга составили 267 млн долл. США [8, с. 97]. В результате общая численность экспортированных в Южную Корею танков была доведена до 80 единиц; БМП – 70.

Одной из значимых составляющих «Бурого медведя-2» стало строительство для нужд ВМС РК трех ДКВП «Мурена» проекта 12061-Э [9, с. 55]. По мнению ряда российских военных экспертов, Южная Корея пошла на приобретение «Мурены» – техники наступательного характера, чтобы продемонстрировать КНДР готовность России поставлять Сеулу средства, которые он может в дальнейшем использовать в операциях против Пхеньяна [10, с. 153].

Второй этап проекта ВТС отличали от первого следующие положительные моменты [4, с. 166]:

- на этапе изучения списка возможных к импорту наименований образцов была поставлена четкая цель немедленно поставить военную технику на вооружение;
- в отличие от «Бурого медведя-1», который предусматривал подписание ежегодных контрактов на конкретные поставки ВВТ, сразу был согласован весь перечень поставляемой техники с заключением единого контракта, сопряженного с планом-графиком погашения госдолга. Это позволило минимизировать текущие затраты, связанные с колебанием цен, и исключить ежегодное утверждение списка передаваемой ПВН;
- в контракте были отражены требования РК, касавшиеся количества закупаемых

<http://www.kremlin.ru/events/president/news/40943> (дата обращения: 12.05.2024).

вооружений, предоставления РФ ремонтного оборудования, достаточного для техобслуживания техники, а также необходимых объемов боеприпасов.

С одной стороны, «Бурый медведь-2» способствовал укреплению взаимного доверия в военно-политической области, поскольку обеспечил практическое наполнение двустороннего диалога в этой сфере взаимно обязывающими договоренностями, с другой – небольшой по стоимости контракт не мог рассматриваться как серьезный шаг РФ по проникновению на местный рынок ВВТ.

Возможность начала и перспективы углубления военно-технической кооперации между Россией и Республикой Корея определялись комплексом факторов, одни из которых оказывали положительное воздействие на процесс развития двустороннего ВТС, другие – его сдерживали.

1. Фактор прошлого.

Процесс налаживания ВТС был весьма сложным, прежде всего, с точки зрения психологического восприятия друг друга Москвой и Сеулом, которые в течение нескольких десятилетий являлись военно-политическими противниками. Шаги, на которые пошла два государства, сформировав дипломатические отношения и начав наполнять их конкретным содержанием, в том числе на военно-техническом направлении, являлись значимым вкладом в разрушение наследия «холодной войны» [4, с. 152]. Однако опыт длительной конфронтации оказывал существенное сдерживающее влияние на интенсивность и содержание сотрудничества по военной линии. Как пишет южнокорейский ученый Ан Сехён, «само по себе возникновение потоков вооружений между двумя странами выходило за рамки традиционных представлений в области безопасности, поскольку Москва отказалась от опоры на идеологическую солидарность» [11, р. 426]. Некоторые южнокорейские исследователи, однако, подчеркивают, что поставки в Республику Корея российской ПВН были не более чем стремлением к «ознакомлению РК с коммунистической системой вооружения» [12, с. 555].

2. ВТС как способ обеспечения экономической безопасности России.

Непростое экономическое положение в России в начале 1990-х гг. обусловило возникновение сложностей с выполнением ею доставшихся от СССР финансовых обязательств перед РК. К 1993 г. такая ситуация спровоцировала Сеул на приостановку выдачи обещанных Москве кредитов. Соответственно, в основе российских предложений по урегулированию проблемы задолженности за счет ВТС лежали изначально национальные экономические интересы и соображения экономической безопасности государства, укрепление которой было возможно вследствие уменьшения долгового бремени.

3. Фактор заинтересованности РК в российских ВВТ для модернизации вооруженных сил.

ВТС с Москвой предоставляло Сеулу возможность оснащения армии новыми ВВТ. По оценке российских экспертов, «российская военная техника имела значительные очевидные преимущества перед стоявшими в 1990-х – начале 2000-х гг. на вооружении армии РК образцами»⁷. Например, на момент утверждения проекта «Бурый медведь-1» основу танковых частей составляли устаревшие американские танки М48. Наряду с этим с конца 1980-х гг. южнокорейцы выпускали собственный основной боевой танк (ОБТ) К1. По всем основным характеристикам Т-80У превосходил указанные американский и корейский танки, и получение нескольких десятков российских танков способствовало улучшению облика ВС РК. Схожей была ситуация и со стоящими на вооружении Сеула БМП – М113 американского и локального производства, а также собственными К200, которые уступали российской БМП-3 по всем параметрам. Что касается колесных

⁷ Рябов К. Российская бронетехника в южнокорейской армии // Военное обозрение. 2020. 13 июня. URL: <https://topwar.ru/171844-rossijskaja-bronetehnika-v-juzhnokorejskoj-armii.html> (дата обращения: 02.06.2024).

бронетранспортеров, то до закупки у России БТР-80А Южная Корея их не имела вовсе⁸.

Таким образом, как представляется, благодаря двум проектам «Бурый медведь» южнокорейцы смогли улучшить функциональные возможности своих сухопутных войск. Сеул, однако, не спешил связывать себя крупными контрактами, которые потенциально могли привести к возникновению зависимости национального военного потенциала от импорта российских ВВТ. Экспорт Россией в Южную Корею к 2005 г. всего лишь порядка 150 единиц боевых машин был по объему недостаточным для оптимистичных расчетов на перевооружение армии РК российскими образцами.

4. Фактор опоры РК на укрепление национального ОПК в рамках военного планирования.

Одним из долгосрочных приоритетов РК является повышение эффективности деятельности национального ВПК. Эта задача остается одной из ключевых задач сменяющих друг друга президентских администраций и в качестве задачи № 106 «Развитие передовой военной промышленности и наращивание экспорта вооружений» присутствует в списке главных направлений государственной политики офиса нынешнего президента Юн Согёля⁹. Через призму тех же целей в Сеуле рассматривали ВТС с Россией, параллельно с импортом ВВТ уделяя необходимое внимание производству собственной техники.

При создании перспективных вооружений максимально учитывался опыт эксплуатации российских БМП и ОБТ. Результатом работы южнокорейских конструкторов стало появление нескольких усовершенствованных версий танка К1 и БМП К200, а также выход на серийное производство новейших танков

К2 «Черная пантера» и БМП К21 с характеристиками, превосходящими старую советскую/российскую технику¹⁰.

5. Фактор США.

Военный союз Сеула с Вашингтоном всегда являлся одним из главных ограничителей сближения России с РК [13, с. 46]. Доминирование США в системе военных связей Южной Кореи являлось мощным тормозом на пути развития ВТС России и РК. При реализации программ перевооружения и модернизации армии Сеул действовал, ориентируясь прежде всего на американцев.

С самого начала ВТС с Москвой Сеул оказался под значительным прессингом со стороны Вашингтона. Так, РК в 1990-х гг. проявляла интерес к приобретению у России батареи зенитно-ракетных комплексов С-300. В 1997 г. в ходе визита в Японию американский министр обороны У. Коэн заявил о том, что США выступают против планов РК приобрести С-300В и С-300ПМУ, а Конгресс США указал на то, что Сеулу как союзнику следует приобрести американскую ЗРК «Пэтриот» [14, р. 103]. Опасения США были вызваны объективной возможностью получения РФ контроля над американской авиацией в США. Военные РК в итоге были вынуждены закупить американские комплексы.

Как показала практика, Сеул был готов приобретать более дорогую американскую технику, при этом не имеющую тактико-тактических преимуществ перед российской. Так, в 2002 г. в рамках реализации РК проекта FX по перевооружению национальных ВВС прошел международный тендер на приобретение истребителей нового поколения с участием КБ «Сухой» с Су-35 (ок. 3 млрд долл. США), французского «Рафаль» (4,17 млрд), «Боинг» (4,4 млрд) и «Еврофайтер Тайфун» (5,5 млрд). Американский F-15 К выиграл, несмотря на уличные протесты против решения правительства РК приобрести сравнительно устаревшее американское вооружение [5, р. 228].

⁸ Там же.

⁹ Волощак В. Контуры новой военной политики Южной Кореи: опора на искусственный интеллект? // Российский совет по международным делам. 2023. 18 янв. URL: <https://russiancouncil.ru/analitics-and-comments/columns/military-and-security/kontury-novoy-voennoy-politiki-yuzhnoy-korei-opora-na-iskusstvennyy-intellekt/> (дата обращения: 16.06.2024).

¹⁰ Рябов К. Российская бронетехника в южнокорейской армии // Военное обозрение. 2020. 13 июня. URL: <https://topwar.ru/171844-rossijskaja-bronetehnika-v-juzhnokorejskoj-armii.html> (дата обращения: 02.06.2024).

Упомянутый случай наглядно демонстрирует, что главной целью приглашения южнокорейцами российских производителей для участия в тендерах являлось искусственное повышение конкуренции, чтобы побудить американскую сторону снизить стоимость контактов и добиться передачи Сеулу вместе с ВВТ технологической документации.

6. Фактор совместимости вооружений.

Серьезной проблемой, сдерживавшей возможности расширения масштабов ВТС России с РК, стала несовместимость российских вооружений с южнокорейскими системами управления, основанными на максимальной интероперабельности и взаимозаменяемости ВВТ с образцами, полученными из США¹¹.

Одним из решений Минобороны РК «на скорую руку» стало оснащение импортированных из России БМП-3 и Т-80У произведенными в Южной Корее радиосистемами и другими электронными устройствами, а также тактических ракетных систем «Метис» корейскими компьютерами¹².

Требования интероперабельности южнокорейцы включали в качестве обязательного условия участия в конкурсах на их финальных этапах с тем, чтобы выдать российским участникам и предоставить максимальные преференции американским производителям. Так, в частности, произошло в 2002 г. на тендере в рамках проекта FX, когда был организован изначально не запланированный 2-й тур, для которого были кардинально изменены условия. Цена перестала быть решающим фактором, а ключевым критерием в пользу участника стала операционная совместимость воздушного судна с имеющимися в ВС РК вооружениями, что поставило

американский F-15 К в заведомо беспроигрышные позиции [5, с. 230].

7. Фактор технического обслуживания.

Минобороны РК неоднократно высказывало неудовлетворение в связи с имевшимися сложностями с обеспечением качественного гарантийного и послегарантийного техобслуживания поступившей в рамках проектов «Бурый медведь» ПВН. Серьезные трудности с ремонтом техники и поддержанием ее в боеготовом состоянии возникали в том числе вследствие несвоевременных поставок российской стороной запчастей. Данный вопрос поднимался и на высшем уровне¹³. Ситуация, однако, не сильно изменилась и в последующем. Например, запчасти к «Мурен» не импортировались в Южную Корею в период с 2007 по 2009 гг., что существенно снижало военный потенциал укомплектованных ими частей. В итоге, Минобороны РК в рамках подготовки в 2006–2008 гг. так и не утвержденного впоследствии проекта «Бурый медведь-3» предлагало заключить всеобъемлющий контракт на поставку как «Мурен», так и сразу запчастей к ним. Важность закупки новых «Мурен» как единственной возможности получить запчасти для уже имеющихся не снималась со счетов¹⁴.

Перечисленные выше факторы в комплексе определяли темпы и содержание развития двустороннего ВТС, главным образом, сдерживая формирование прочной основы сотрудничества, которая бы обеспечивала возникновение глубокой взаимной заинтересованности Москвы и Сеула в военно-технической и технологической кооперации на долгосрочную перспективу.

¹¹ Кузнецов Р. Ослабить объятия американцев // Независимое военное обозрение. 2021. 17 июня. URL: https://nvo.ng.ru/nvo/2021-06-17/8_1145_hugs.html (дата обращения: 11.01.2024).

¹² Романов Л. Южные корейцы гордятся своими «летающими» Т-80У и БМП-3 // Вестник Мордовии. 2017. 04 апр. URL: <https://vestnik-rm.ru/news/oborona-i-bezopasnost/yuzhnye-korejcy-gordyatsya-svoimi-letayushimi-t-80u-i-bmp-3?ysclid=mlrlrlsnqp591341686> (дата обращения: 02.05.2024).

¹³ Состоялась встреча Президента России с Президентом Республики Корея Ким Дэ Чжуном // Президент России. 2001. 19 окт. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/40546> (дата обращения: 02.05.2024).

¹⁴ Jeong Byeongseon. Putin tyngjangyro dashi joomok radnyn HanRo moogi keorae “pugom saeor” [Чон Бёнсон. В связи с возвращением Путина снова привлекает внимание проект российско-южнокорейской торговли вооружениями «Бурый медведь»] // Weekly Chosun. 2012. 21 March. URL: <http://weekly.chosun.com/news/articleView.html?idxno=3809> (дата обращения: 16.06.2024).

ВЫВОДЫ

ВТС России с РК с самого начала представляло собой две взаимно переплетенных составляющих, определявших и содержание, и перспективы этого сегмента двусторонних взаимоотношений. Во-первых, речь идет о государственном измерении ВТС ввиду четкой его увязки с вопросом погашения Россией госдолга перед Южной Кореей. Во-вторых, это министерский уровень. Так, оборонное ведомство РК за счет приобретения у России ВВТ и военных технологий решало задачу обеспечения государства современными разработками в области создания вооружений.

По завершении в 2005–2006 гг. второго этапа проекта «Бурый медведь» имелись основания говорить о положительных оценках итогов реализации указанной программы.

Во-первых, «Бурый медведь» в некоторой степени способствовал удовлетворению потребностей национальных ВС РК в новом вооружении и новых военных технологиях.

Во-вторых, проект стимулировал развитие южнокорейского ВПК. Так, например, технология защиты от нейтронного излучения и уменьшения гамма-излучения, используемая в Т-80У, была впоследствии применена южанами при создании танка К-2 «Черная пантера». БМП-3 оказал значительное влияние на программу создания корейским Агентством оборонного развития собственного образца боевой машины пехоты К-21, поставленной в ВС в 2009 г.

В-третьих, импорт ВВТ из России позволил Сеулу получить более четкое представление о вооружении армии КНДР, поскольку поставленная в РК ПВН, танки Т-80-У, БМП-3, ПТРК «Метис-М» являлись усовершенствованными образцами ранее переданной КНДР советской техники (ОБТ Т-64 и Т-72, БМП-1 и 2).

Безусловно, два этапа проекта «Бурый медведь» способствовали закреплению пози-

тивных тенденций в восприятии двумя странами друг друга. В то же время рассчитывать на дальнейшее динамичное поступательное совместное движение к новым ориентирам на военно-техническом треке было затруднительно в силу ряда существенных обстоятельств. Одним из главных из них, очевидно, следует рассматривать стратегический альянс РК и США и присутствие американских войск в Южной Корее, представляющее гипотетическую военную угрозу для России ввиду нахождения ее основных дальневосточных центров в пределах досягаемости ракет, авиации и ВМС США.

Вместе с тем представители России и Южной Кореи в 2005 г. все-таки приступили к консультациям о рамках будущего ВТС, начав рассматривать варианты его продолжения путем заключения соглашения «Бурый медведь-3». В декабре 2007 г. был подписан Меморандум о взаимопонимании, однако сблизить позиции по практическим вопросам не удалось. Этому помешали настойчивость России в вопросе включения в проект перечня готовых военных изделий и откровенное стремление РК ограничиться получением новейших технологий.

Резюмируя, хотелось бы отметить очевидную полезность и для РФ, и для РК проектов «Бурый медведь». Южная Корея исходила из важности для нее России с точки зрения приобретения передовых оборонных технологий для усиления национальной обороны РК. Россия со своей стороны получила полезный опыт военно-технической деятельности на азиатско-тихоокеанском направлении, уникальность которой была обусловлена в том числе статусом РК как одного из стратегических союзников США в этом регионе. Посредством проектов «Бурый медведь» РФ смогла не только снизить бремя государственного долга, но и поддержать национальный ОПК, а также продемонстрировать конкурентные преимущества российских вооружений.

Список источников

1. Торкунов А.В., Стрельцов Д.В., Колдунова Е.В. Российский поворот на Восток: достижения, проблемы и перспективы // Полис. Политические исследования. 2020. № 5. С. 8-21. <https://doi.org/10.17976/jpps/2020.05.02>, <https://elibrary.ru/dbkkfu>
2. Курбанов С.О. «Договор об основах отношений Российской Федерации и Республики Корея» от 19 ноября 1992 г. и его значение для развития российско-южнокорейских отношений // Вестник Центра корейского языка и культуры. 2016. № 17. С. 104-106. <https://elibrary.ru/wjydfb>
3. Kwak Tae-Hwan, Joo Seung-Ho. Military cooperation between Russia and South Korea // International Journal of Korean Unification Studies. 1999. Vol. 8. P. 147-177.
4. Keum Giho: Pangwisaeopcheong konggunjungryeong. «Han·Ro gunsagisulhyeopryeok phiryoseong kochal». Jae 10 cha HanRo kukpanghaksulhoeui jaryojip (Кым Гихо. Корейская администрация программ оборонных закупок // Изучение важности южнокорейско-российского военно-технического сотрудничества: докл. для 10 Корейско-Российской науч. конф. по вопросам национальной обороны. Сеул: Korean Institute for Defense Analysis, 2010. С. 151-168.)
5. Ahn Se Hyun. Policing Northeast Asia. The Politics of Security in Russia and Korea. Singapore: Palgrave Macmillan, 2020. 319 p. <https://doi.org/10.1007/978-981-15-5116-1>, <https://elibrary.ru/isnlpj>
6. Санжиев А.А. Военно-техническое сотрудничество России и Республики Корея // Мировая экономика и международные отношения. 2005. № 8. С. 52-54. <https://elibrary.ru/hscjzx>
7. Торкунов А.В. По дороге в будущее. М.: Аспект Пресс, 2017. 648 с. <https://elibrary.ru/ypkfrj>
8. Yoo Yeongcheol. «Han·Ro kunsahyeopryeok 20 junyeonphyeonka mit jeongmang». Jae 10 cha HanRo kukpanghaksulhoeui jaryojip. (Ю Ёнчоль. Оценка и перспективы 20 лет корейско-российского военного сотрудничества: сб. докл. для 10 Корейско-Российской науч. конф. по вопросам национальной обороны. Сеул: Korean Institute for Defense Analysis, 2010. С. 87-105.)
9. Чиков В.М. Состояние и перспективы развития Россудостроения // Судостроение. 2003. № 2. С. 54-57. <https://elibrary.ru/hvghpx>
10. Безик И.В. Десантные катера «Мурена» для Южной Кореи // Россия и АТР. 2005. № 3. С. 151-154. <https://elibrary.ru/pluxwx>
11. Ahn Se Hyun. Understanding Russian – South Korean Arms Trade. A Nontraditional Security Approach? // Armed Forces & Society. 2009. № 35 (3). P. 421-436.
12. Ом Гухо. Переговорный процесс по установлению дипломатических отношений между РК и СССР и его историческое значение // Российско-корейские отношения в формате параллельной истории. М., ООО Изд-во «Аспект Пресс», 2022. С. 499-563. <https://elibrary.ru/cufsqz>
13. Дьячков И.В. Российско-южнокорейские политические связи: 30 лет спустя // Корейский полуостров: история и современность. М.: Изд-во Ин-та Китая и современной Азии РАН, 2020. С. 44-55. <https://elibrary.ru/kwirct>
14. Sergounin A.A., Subbotin S.V. Russian arms transfers to East Asia in the 1990s. N. Y.: Oxford University Press, 1999. 146 p.

References

1. Torkunov A.V., Strel'tsov D.V., Koldunova E.V. (2020). The Russian pivot to the East: achievements, problems and prospects. *Polis. Politicheskie issledovaniya = Polis. Political research*, no. 5, pp. 8-21. (In Russ.) <https://doi.org/10.17976/jpps/2020.05.02>, <https://elibrary.ru/dbkkfu>
2. Kurbanov S.O. (2016). "The treaty on the foundations of relations between the Russian Federation and the Republic of Korea" dated November 19, 1992 and its significance for the development of Russian-South Korean relations. *Vestnik Tsentra koreyskogo yazyka i kul'tury = Proceedings of the Center for Korean Language and Culture*, no. 17, pp. 104-106. (In Russ.) <https://elibrary.ru/wjydfb>
3. Kwak Tae-Hwan, Joo Seung-Ho (1999). Military cooperation between Russia and South Korea. *International Journal of Korean Unification Studies*, vol. 8, pp. 147-177.
4. Keum Giho. (2010). Air Force Major. Korean Defense Acquisition Program Administration. *Report for the 10th Korean-Russian Scientific Conference on National Defense "Exploring the Importance of South Ko-*

- rean-Russian Military-Technical Cooperation”. Seoul, Korean Institute for Defense Analysis Publ., pp. 151-168. (In Korean).
5. Ahn Se Hyun. (2020). *Policing Northeast Asia. The Politics of Security in Russia and Korea*. Singapore, Palgrave Macmillan Publ., 319 p. <https://doi.org/10.1007/978-981-15-5116-1>, <https://elibrary.ru/isnlpj>
 6. Sanzhiev A.A. (2005). Military and technical cooperation between Russia and Republic of Korea. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya = World Economy and International Relations*, no. 8, pp. 52-54. (In Russ.). <https://elibrary.ru/hscjzx>
 7. Torkunov A.V. (2017). *On the Way to the Future*. Moscow, Aspekt Press Publ., 648 p. (In Russ.) <https://elibrary.ru/ypkfrj>
 8. Yoo Yeongcheol. (2010). Assessment and prospects for 20 years of Korean-Russian military cooperation. *Report for the 10th Korean-Russian Scientific Conference on National Defense “Exploring the Importance of South Korean-Russian Military-Technical Cooperation”*. Seoul, Korean Institute for Defense Analysis Publ., pp. 87-105. (In Korean).
 9. Chikov V.M. (2003). Position and prospects of development of Rossodostroenie. *Sudostroenie = Shipbuilding*, no. 2, p. 54-57. (In Russ.) <https://elibrary.ru/hvghpx>
 10. Bezik I.V. (2005). Expeditionary boats “Murena” for the South Korea. *Rossiya i ATR = Russia and the Pacific*, no. 3, pp. 151-154. (In Russ.) <https://elibrary.ru/pluxwx>
 11. Ahn Se Hyun. (2009). Understanding Russian – South Korean Arms Trade. A Nontraditional Security Approach? *Armed Forces & Society*, no. 35 (3), pp. 421-436.
 12. Om Guho. (2022). The negotiation process for the establishment of diplomatic relations between the ROK and the USSR and its historical significance. *Russian-Korean Relations in the Format of a Parallel History*. Moscow, Aspect Press Ltd Publ., pp. 499-563. (In Russ.) <https://elibrary.ru/cufsqz>
 13. D’yachkov I.V. (2020). Political relations between Russia and the Republic of Korea: 30 years after establishment. *Koreiskii poluostrov: istoriya i sovremennost’ = The Korean Peninsula: History and Present Times*, Moscow, pp. 44-55. (In Russ.). <https://elibrary.ru/kwirct>
 14. Sergounin A.A., Subbotin S.V. (1999). *Russian Arms Transfers to East Asia in the 1990s*. New York, Oxford University Press, 146 p.

Информация об авторе

Малолетко Алексей Владимирович, научный сотрудник исследовательской лаборатории «Центр японских, корейских и монгольских исследований», помощник проректора ректората, Московский государственный институт (университет) международных отношений МИД России, г. Москва, Российская Федерация.

<https://orcid.org/0009-0005-5995-6474>
al2628319@gmail.com

Поступила в редакцию 15.07.2024

Получена после доработки 11.10.2024

Принята к публикации 22.11.2024

Information about the author

Alexey V. Maloletko, Research Scholar of the research laboratory “Center for Japanese, Korean and Mongolian Studies”, assistant to the vice-rector of the rector’s office, Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation.

<https://orcid.org/0009-0005-5995-6474>
al2628319@gmail.com

Received 15.07.2024

Revised 11.10.2024

Accepted 22.11.2024